

Живые песни

Анастасия Бойцова

Книга царств

1.

Не загадывай на сто лет:
Я – колена Вениаминова.
Та стрела, что меня не минула,
Зелена еще на стволе.

Лесина еще пряма,
Но прямее нее – спина моя.
Голова, надо всеми – на голову,
Все притягивает грома.

Все притягивает грехи,
Все проклятия переманивает...
Ах, красавица и карманница,
Прародительница Рахиль,

Жизнь отдавшая на траве
Близ подножия каменистого, –
Как же сердце твое неистовое
Закипает у сыновей!

Наших жил огневой налив –
Виноград, на корню
отравленный;
И не дело потомству
праведных –
К сыну смерти благоволить.

Не жди ж у моей двери –
Не подвертывайся беде мой!
Поворот, чем прямее дерево,
Тем отчаяннее горит.

Ни игрой, ни делами рук
Ты у рока меня не выманил:
Для колена Вениаминова
Не бывает не на миру

Смерти. Вскормленники меча,
В разный срок умрем
одинаково –
После-смертная месть Иакова
За праматери смертный час.

Но надменнейшие из Тех
Приподнимут верхи у двери
нам
За святое высокомерие
Наших помыслов и страстей,

И за то, что не было жаль
Для других ни вина,
ни крови нам;
И за то, что домов не строили –
По завалинкам возлежать;

И за то, что бремени царств
Не сдержали – да не осудят же!
И за то, что не знали удержу
Наша бешеные сердца.

И за то, что звенит в ушах
Вековое и нерушимое:
«Паче трона, паче души моей...»
(Что мне трон и что мне
душа?)...

Не лови же мои слова,
Не смотри на меня
в безмолвии:
Я же знаю – притянет молнию
Вознесенная голова.

Та стрела не оперена,
То копье еще зреет в ясене.
Но колками перепоясана
Перетнутая струна;

Не обучены убивать,
Дремлют будущие враги мои, –
Но уже прозвенела гибелью
Струн безумная тетива.

Не напраслину и не ложь
Патриарх напророчил,
вдовствуя:
Мы в любви выгораем
до смерти –
Даже пепла не соберешь!

Не заглядывай на дно –
Все равно голова закружится.
Ради страсти такого дружества
Не достанет тебе одной

Жизни. Выточена игла,
И лица не закроешь латами...
Чтобы ввек она не нашла тебя,
Чтоб во сне не подстерегла,

Чтоб не тронул твоей груди
Час колена Вениаминова –
Не ходи за мной. Не зови меня.
Не ходи за мной. Не ходи...

2.

Раз-делили
Боги лихие:
Ты – от Лии,
Я – от Рахили.

На две доли,
Так – полосой:
Век твой долгий,
Мой – с волосок.

Две отравы
В темных глубинах:
Ты – от правой,
Я – от любимой.

На две части
Сердце разяв:
Ты – для счастья,
Я – для огня.

Срок считается
Есть на базаре:
Ты – для царства,
Я – для сказанья;

Но приют мне –
Мир по края:
Ты здесь – лютная,
Музыка – я.

3.

Словно клятва перед объятьями
До крови, до судорог в мышцах:
– Проклянут и отцы,
и братья ведь...
– Мне не страшно.
А ты боишься?

Тихий шепот, из уст роняемый
Без надежды, лицом в колени:
– Нет пощады... Забьют
камями ведь...
– Мне не жалко. А ты жалеешь?

Звук дыханья ложится
строками
На скрижалъ изменчивой
ночи...

– Не боюсь. Не впервой
быть проклятым.
... Вдох – как прочерк,

Вдох – ликующий и уверенный,
Выше звезд волна огневая...

Доля мига. Одно мгновение.
Больше в жизни и не бывает.

Есть в груди у царя Саула
тайная рана,
Есть покой у Саула, в который
никто не видит...
Говорят, высоки и стройны
кедры Ливана –
Тот, кто это сказал, тот
должно быть, тебя не видел.

Есть в груди у Саула-отца
роковая язва
От очей, что в тоске
неотрывно глядят на север...
Оттого, что в глаза ты ему
не взглянул ни разу
С той поры, как ушел
отсюда сын Иессеев.

Оттого, что мои день за днем
багровой и мглистей,
А твои все яснее вдали
прозрают что-то...
Двадцать лет, мне отмеренных,
канули словно листья.
И за месяцем месяц
не видно конца охоты.

Двадцать лет миновало,
и год роковой двадцатый
Пропитала змеиная горечь
в груди под платьем...
Насмеялись пророки –
Саул не утратил царство;
Душу сына Саул утратил!

Ради этой гноящейся
раны незарастимой
Помоги мне, Единный,
которого чтит Израиль!
Расуди меня: сын Иессеев
меня ограбил,
Все, что я имел, он унес
с собой в Филистию!

Прокляни его, Господи!
Да не вкусит покоя
Ни в пустынных горах,
ни в шатрах родной Иудеи,
И за то, что сегодня содеял
со мной такое,
Да познает воочию, что он
со мной содеял!

Но безжалостен слух Твой,
пророки Твои солгали,
И одни только скалы внимают
царскому горю.
И за месяцем месяц
я хожу кругами,
И за месяцем месяц
не видно конца погоне.

И за месяцем месяц,
закидывая свой невод,
Все мерещится лютная, звеня
под шатровой крышей...
Не щади его, Боже Израиля,
Боже Пневал –
Но не слышишь, не слышишь,
не слышишь, не хочешь
слышать...

И за месяцем месяц
все дальше в чужую землю
Улекает обих
невидимая трясина;
И за вечером вечер, все
этой же песне внемля,
Разрывается сердце сына.

И за месяцем месяц ты
гибели ждешь – копыя ли
Из отцовской руки? Стрелы ли
в братнем колчане?

За луною луна тебе голос,
от боли пьяный,
Все нашептывает ночами:

– Я тебя убивал за глядящие
в землю очи,
А поднимешь – и снова
теряются в долинь сени;
И за то, что, наследник,
венца моего не хочешь;
И за то, что на это вся
ярость моя бессильна;

И за то, что другие три сына
со мною схожи,
Только ты среди них –
как олень в овечьей отаре...
И за песню, что смуглый
беглец с оливковой кожей
Пропоеет об Ионатане.

Конь или крылья сегодня
меня домчали?
Сон или буря уносит меня
обратно?
Сердце мое я принес тебе
на прощанье,
Боль моя, брат мой.

Если бы я за тобою – один
из многих –
Шел бы сегодня в изгнанье
с земли постылой –
Славой своей я устал бы
тебе дороги,
Дланью своей мостил их.

Если теперь, провожая тебя
в скитанья,
Я не на час, а навеки
с тобой прощаюсь, –
Каждый из вздохов моих –
да попутным станет
Ветром тебе в печали.

Сила моя да смягчит
чужеземный щебень,
Грудь да укроет от раны
в горниле боя,
Руки мои – да мостами
через ущелья
Лягут перед тобою!

Если же стихнет дыханье
мое, и если
(Знаю, что так!) не успею
тебя увидеть –

Мертвые губы да станут
живою песней:
Песнею о Давиде.

И да предстанет белей
полотна и мела
Вся твоя жизнь – как любовь
в моем сердце вечно!
Быть себе верным, как быть
бы тебе смелым я,
Сможешь ли, человек?

Если когда-нибудь грудь
защемит тоскою,
Будешь ли знать, что из плена
процусь на волю?
Я – твоя юность, души твоей
первый сколок,
Сердце твое живое.

Не вспоминай моих глаз
Не удержит память.
Не призывай мою тень –
не предстану слыше!
Солнцем нагретого камня
коснись руками –
В камне меня услышишь.

Пусть над моей головой
шевелиятся травы,
Пусть седина в голове
твоей – белой ниткой;
Ты оглянись – за плечом
твоим буду правым,
Ветром к щеке приникну.

Эхом откликнусь на зов
боевого рога,
Зовом души моей – в каждом
твоим солдате!
Сердце мое я принес для тебя
в дорогу,
Нечего больше дать мне.

И да пребудет в тебе
между ста путями
Это прощанье на гриве
лесного пусска!
Сердце мое ты уносишь
в ладони узкой,
Юный израильянин.

В эти ладони падуцей
звездой сверкнула
Вся моя жизнь. За тебя
из могилы встану.
Ты, что уносишь
единственный щит Саула –
Сердце Ионатана.